

Андрей Владимирович Шуханков родился в 1972 году в городе Рига (Латвия). Окончил факультет журналистики Воронежского государственного университета. С 1973 года проживает в Беларуси. Проходил службу на Тихоокеанском флоте. Многие годы занимался художественной ковкой, увлекался литературным творчеством, авторской песней. Публиковался в литературных сборниках и альманахах, а также в местных и республиканских СМИ. Автор книг «Недосягаемая геометрия», «Запястье запятой». Лауреат ряда конкурсов и фестивалей. Член Союза писателей Беларуси. Проживает в городе Новополоцке.

Андрей Шуханков

ИЩИТЕ В ГОРЛОВКЕ МЕНЯ

Я В ЭТОТ ВЕК...

Я в этот век не заслужил
быть убиенным.
Я в этот раз спокойно жил
гражданско-пленным.
Не перепыхивал дома
из миномета.
Не забирался в закрома,
страшась прилета.
На грудь не вешал ордена.
Не пил из фляги,
предполагая, что война —
строка из саги
о героизме не моем,
о чем-то дельном.
И неба снежный водоем
был беспредельным.
И все казалось, что по мне
пройдет едва ли
молва, что не был на войне...
А вы бывали?..
Вы перекусывали жгут
на венах рваных?
Вы пролагали тот маршрут,
где безымянных
грузили в спешке по мешкам
клочками плоти?
И пуля к вашим ли кишкам
свалилась в излете?

Кому еще стреляли в пах?
Кому в колено?
Вы знали, как пронзает страх
попеременно
песком забитые глаза?
Вы это знали?!

На этой не был я войне...
Но ведь сжигали
меня в Одессе каждый день,
все восемь весен.
Стоит обугленная тень,
глядит на осень
глазами полными огня,
почти слепыми.
Ищите в Горловке меня.
Я с неживыми
стою единственный в строю,
машу рукою,
и не молюсь, и не пою —
беззвучно вою...

А ТЫ, А Я...

А ты — стремительно успешный,
надмирно слепленный Творцом.
А я — томящийся и грешный,
пропах махрой и холодцом.

В твоих садах Семирамиду
совсем бессмысленно искать.
В мою безумную планиду
не стоит руки запускать.

Мы бродим по одной планете
на очень разных полюсах:
ты — отражаешься в эстетике,
я, с сединою в волосах,

гляжу на отраженье в луже,
не узнавая лет своих...
И кто кого сегодня хуже
из нас, непонятых, двоих?

Ты — верный сын своей удачи,
и мне ль тебе вменять в вину,
что, наскребя остатки сдачи,
я уезжаю на войну?..

ДВАДЦАТЬ ТРЕТИЙ

Пули сбивали ветки — пальцы деревьев голых.
Солнце не восходило. Слеп предрассветный мрак.
Где-то готовил жертву полузабытый Молох...
Плотник строгал полено, мерно скрипел верстак.

В варежке мирозданья грели ладони дети.
Сны приносили счастье медленной тишины.
С каждым ударом сердце, верившее примете,
все становилось ближе к утру своей войны.

Нет ни живых, ни павших. Нет ни чужих, ни правых.
Нет ничего, что было. Тает сгоревший снег.
Шли в бесконечность люди после боев кровавых.
Шел по следам их морок, словно искал ночлег.

Чья же на это воля, если она немилость?
Разве всесильна ярость, если она за нас?
Выбор простой у смерти — с жизнью несовместимость.
Выбора нет, ребята, так как мы здесь сейчас.

Дети мои — солдаты, сестры мои — солдатки,
это ли причащение, этим ли помирать?
В пролежнях двадцать третий скручивал плащ-палатки
и, уходя в окопы, снова готовил рать.

ПОСВЯЩАЕТСЯ ПОЭТУ-ВОИНУ ДМИТРИЮ АРТИСУ

Выверни гимнастерку и посмотри в солдата —
это осколок глупый, врезавшийся в него.
Что тебе до трофеев? Дата и... снова дата.
Кто-то играет в вечность, кто-то играет в го.

Помнится, знал поэта, пьющего до потери —
нынче сидит в окопе, пишет через прицел.
Так открывают сердце и закрывают двери.
Только бы он вернулся. Только б остался цел.

В нас закипает память снежной далекой вьюги,
в старом шкафу медали бабушкины звенят.
Девочки, сестры, жены, мальчишки, братья, друзья,
видно, и вам досталось взвиться над адом, над

пеплом дороги к миру, мраком дороги к свету.
Слово в гортани стынет. Что теперь говорить?
Так остаются солью. Так берегут планету.
Так покидают землю, чтобы еще пожить...

Это святое право — кровью служить народу.
Кровь выдает на правду временные права...
Выверни гимнастерку, глянься в нее, как в воду.
Там, где прошли солдаты, скоро взойдет трава.